

IV

Д. С. БУКИН

**НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ МЕДИЕВИСТИКИ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ:
ЗАЩИТА КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
В. В. ШТОКМАР В 1942 г.¹**

В последние годы историографы всё чаще обращаются к вопросам истории российской диссертационной культуры². На сегодняшний день одним из актуальных исследовательских направлений в рамках данной проблематики является изучение процесса подготовки научных кадров для советской исторической науки³. В 2025 г. 80-я годовщина победы в Великой Отечественной войне обуславливает особое внимание к периоду 1941–1945 гг. В то же время и предшествующий 2024 г. был ознаменован рядом значимых для российского историко-научного сообщества памятных дат, одной из которых стала 90-я годовщина создания в рамках Ленинградского государственного университета кафедры истории Средних веков (1934), деятельность которой не останавливалась и в первые

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-18-00259, <https://rscf.ru/project/25-18-00259/>

² Значимым результатом в этом направлении стала коллективная монография за авторством челябинских историков: Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций, XIX – начало XX в. / под ред. А. А. Алеврас, Н. В. Гришиной. М.: СПб., 2022.

³ См. напр.: *Гришина Н. В.* «Работа... не является марксистской...», или формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н. М. Дружинина) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 48–54; *Алеврас Н. Н.* Диссертант и оппоненты модели защит диссертаций и опыт оппонирования (1930–1940-е годы) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2024. № 1 (64). С. 124–135; *Скворцов А. М.* Алексей Сергеевич Бартенев: становление учёного-медиевиста в контексте формирования советской диссертационной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. № 1. С. 17–23; *Он же.* Экспертиза диссертаций и вопросы формирования советской диссертационной культуры (1930 – начало 1950-х гг.) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10. Вып. 1. С. 47–62.

блокадные месяцы, и в эвакуации в Саратове (1942–1944). При этом, по подсчётам Г. Д. Бурдей и Л. И. Бородкина, из 210 кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в годы Великой Отечественной войны⁴, только одна из них принадлежала представителю ленинградской медиевистики – выпускнице кафедры, ставшей после войны крупным англоведом, Валентине Владимировне Штокмар (1914–1984). Все эти обстоятельства мотивируют обратиться к анализу диссертационной истории В. В. Штокмар, содержание которой характеризует не только специфику диссертационной культуры ленинградских медиевистов в условиях военного времени, но и в целом особенности создания и защиты такого рода научных сочинений в этот период.

Согласно автобиографии, имеющейся в диссертационном деле, путь В. В. Штокмар к кандидатской защите начался в 1939 г. Получив сначала филологическое образование на английском и немецком отделении Высших государственных курсов иностранных языков ЛГПИ им. А. И. Герцена (1930–1935), а затем и историческое, окончив экстерном исторический факультет ЛГУ (1937–1939), В. В. Штокмар решила продолжить обучение в аспирантуре на кафедре истории Средних веков ЛГУ (1939–1942)⁵. Следует при этом отметить, что поначалу она столкнулась с некоторыми препятствиями. Как отмечают Г. Е. Лебедева, А. В. Березкин и Н. Ю. Черепенина, из-за крайне ограниченного числа аспирантских мест, которые распределялись Центральной отборочной комиссией по приему в аспирантуру при Наркомпросе РСФСР (Москва), в сентябре 1939 г. В. В. Штокмар изначально была принята только в качестве кандидата. Лишь в следующем месяце (19 октября) она официально была зачислена на единственное освободившееся место к основателю петербургской школы медиевистики профессору Ивану Михайловичу Гревсу (1860–1941)⁶.

Для ленинградской медиевистики периода обучения В. В. Штокмар на историческом факультете ЛГУ была характерна тенденция к восстановлению преемственности с дореволюционной исторической наукой⁷. Это обстоятельство проявлялось, в частности, в системе подготовки научных кадров, основные принципы которой И. М. Гревс изложил в

⁴ Бурдей Г. Д., Бородкин Л. И. Защита диссертаций по гражданской истории в 1941–1945 гг. (Источники, проблематика, динамика) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 24. СПб., 1993. С. 119.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 4 об.

⁶ Лебедева Г. Е., Березкин А. В., Черепенина Н. Ю. Труды и дни профессора В. В. Штокмар // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. А. Ю. Прокопьева. Вып. 12. СПб., 2015. С. 21–22.

⁷ Её в то время олицетворяли фигуры самого И. М. Гревса, а также крупного специалиста по латинской палеографии и культурной истории Средневековья О. А. Добиаш-Рождественской (1874–1939): Сквицков А. М. О подготовке ученых-медиевистов в Ленинградском университете в 30-е гг. XX в. // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*. 2023. № 7 (1). С. 86–87.

неопубликованной статье 1940 г. «Как ставить работу аспирантов-историков в наших университетах?»⁸. По словам медиевиста, работа с обучающимися организовывалась «по трём главным линиям»: «1) Расширение фактических знаний по избранному основному отделу истории (для медиевистов по средним векам) путем изучения главных моментов, коренных явлений <...> 2) Участие в специальном историческом семинарии под руководством определенного профессора <...> 3) Подготовка кандидатской диссертации на тему из истории средних веков, которая должна быть завершена её защитой по окончании третьего года аспирантуры»⁹. Из статьи следует, что И. М. Гревс использовал комплексный, основанный на принципах классического исторического образования подход к обучению аспирантов, который включал подготовку научных докладов, написание рефератов монографий и обучение работе с историческими источниками в рамках семинарских занятий. В этот весьма интенсивный образовательный процесс, последовательно приобщавший молодых ученых к историографическим практикам ленинградских медиевистов, была интегрирована и В. В. Штокмар, которая, по словам В. И. Мажуги, впоследствии «вспоминала, что ей ни у кого не было так трудно учиться, как у И. М. Гревса...»¹⁰.

Согласно И. М. Гревсу, подбор темы диссертационного исследования должен был осуществляться при учете возможности её раскрытия на материале немногих, но хорошо знакомых аспиранту источников; желательно также, чтобы тема вырастала из предшествующего опыта работы с историческими свидетельствами, прежде всего из семинарских занятий¹¹. Для своей кандидатской диссертации В. В. Штокмар избрала тему «Произведения Джонатана Свифта как исторический источник». Этот выбор объясняется несколькими обстоятельствами. Территориальные и хронологические рамки исследования были определены под влиянием одного из научных руководителей В. В. Штокмар – профессора кафедры всеобщей истории ЛГПИ им. А. И. Герцена и преподавателя исторического факультета ЛГУ, специалиста по истории Англии XVII в. профессора А. Е. Кудрявцева (1880–1941)¹². Кроме того, Валентина Владимировна, судя по всему, давно интересовалась сочинениями Дж. Свифта – как минимум, с 1935–1937 гг., когда она, согласно её автобиографии, работая в библиотеке

⁸ Гревс И. М. Как ставить работу аспирантов-историков в наших университетах? // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 726. Оп. 1. Д. 286. Л. 129.

⁹ Цит. по: Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб., 2017. С. 335.

¹⁰ Цит. по: Скворцов А. М. О подготовке ученых-медиевистов... С. 89. Эти слова относились к практике еженедельного представления рефератов по одной или двум иностранным монографиям.

¹¹ Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем. С. 335.

¹² Памяти В. В. Штокмар (1914–1984) // Средние века. 1986. Вып. 49. С. 330.

Ленинградской государственной консерватории, составляла описание книг XVIII в.¹³ В то же время интерес к проблеме использования литературных произведений для анализа исторической реальности мог быть продиктован, с одной стороны, исходным филологическим образованием соискателя и, с другой, приверженностью источниковедческим традициям научной школы И. М. Гревса (этому, несомненно, способствовал тот факт, что помимо А. Е. Кудрявцева научной работой В. В. Штокмар руководил и сам Иван Михайлович)¹⁴.

Существенным фактором, определившим проблематику диссертационного исследования В. В. Штокмар, могли стать и ограничения военного времени. Неслучайно в годы Великой Отечественной войны около 20% от общего числа защищенных диссертаций являлись по своей сути источниковедческими и историографическими¹⁵. Ориентация на такого рода штудии была вызвана прежде всего нехваткой материалов для осуществления полноценной исследовательской деятельности. Многие архивы были вывезены вглубь страны, нередко оказываясь вне досягаемости для историков. Кроме того, работавшие в условиях эвакуации учёные зачастую сталкивались с весьма ограниченным наполнением местных книгохранилищ научными трудами и историческими источниками¹⁶. Показательным в этом контексте представляется диссертационная история московского медиевиста Евгении Владимировны Гутновой, защитившей в Томске кандидатское сочинение «Томас Карлейль как историк» (1942). В своих мемуарах она отмечает, что после эвакуации Московского государственного университета её научный руководитель – Е. А. Косминский – убедил молодую исследовательницу построить диссертацию на основе доклада, подготовленного ею накануне войны для одного из аспирантских семинаров по историографии¹⁷. До войны же тема для кандидатского сочинения была иной, о чём Евгения Владимировна вспоминает, рассказывая о начале подготовки ею в 1950-х гг. докторской диссертации: «Тема исследования оставалась той же, что до войны предложил мне

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 4 об. Это знакомство могло произойти и раньше, учитывая её первое образование (английская и немецкая филология) и происхождение из интеллигентской среды (отец В. В. Штокмар – дворянин Владимир Петрович Штокмар (ум. 1914) – был преподавателем истории, а мать – Елизавета Ивановна Завьялова – преподавателем русского языка): Там же.

¹⁴ Лебедева Г. Е., Березкин А. В., Черепенина Н. Ю. Труды и дни... С. 22. Следует отметить, что уже к 1942 г. В. В. Штокмар формально осталась без научных руководителей, поскольку И. М. Гревс скончался ещё 16 мая 1941 г., а А. Е. Кудрявцев погиб в ходе эвакуации из Ленинграда 14 декабря 1941 г.

¹⁵ Бурдей Г. Д., Бородкин Л. И. Защита диссертаций... С. 120.

¹⁶ Скворцов А. М. «Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые... выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита Н. С. Лебедевым диссертации о В. Г. Васильевском в 1943 г. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26. № 2. С. 218–219.

¹⁷ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 218.

мой учитель для кандидатской диссертации: “Возникновение английского парламента”»¹⁸.

С началом войны В. В. Штокмар, как и многие другие ленинградцы, оказалась в крайне тяжелых условиях. Ей пришлось пережить все тяготы первых месяцев блокады, а затем и жизни в эвакуации. При этом именно в Саратове, куда ЛГУ был отправлен в марте 1942 г., она прошла процедуру защиты диссертации. К сожалению, нам неизвестны это-документы Валентины Владимировны, которые позволили бы, как в случае с Е. В. Гутновой, более полно осветить вопрос о том, какое влияние условия военного времени оказали на тематику и содержание её диссертационного исследования¹⁹. Судить об этом остаётся лишь на основе делопроизводственных материалов диссертационного диспута В. В. Штокмар, поскольку, как показали наши поиски, установить местонахождение её кандидатского сочинения не представляется возможным²⁰. Однако и имеющиеся архивные свидетельства позволяют в достаточной степени пролить свет на особенности диссертационной культуры ленинградских медиэвистов военного времени.

Из материалов диссертационного дела В. В. Штокмар наиболее содержательными для настоящего исследования представляются тезисы к диссертации и отзывы на само исследование официальных оппонентов, которыми в данном случае выступили доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков ЛГУ М. А. Гуковский и доктор филологических наук, заведующий кафедрой всеобщей литературы ЛГУ М. П. Алексеев.

Начнём с анализа тезисов. Их текст позволяет не только представить содержание диссертации В. В. Штокмар, но и рассмотреть стратегию презентации исследования соискателем. Как отмечает А. М. Скворцов, ученые советы факультетов, на которых защищались диссертации, состояли из профессоров разных исторических специальностей и различного рода партийных работников (секретарь парткома, председатель профсоюзной организации и др.)²¹. Согласно раздаточной ведомости по голосованию о

¹⁸ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 231.

¹⁹ Известно, что в начале 1980-х гг. В. В. Штокмар предлагали написать воспоминания, однако она отказалась, обосновав свою позицию следующими словами: «Во-первых, к мемуарам как историческому источнику я отношусь весьма скептически. Во-вторых, еще и вспомню, что не надо»: цит. по: *Лебедева Г. Е., Березкин А. В., Черепенина Н. Ю.* Труды и дни... С. 21.

²⁰ Диссертация отсутствует в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ, в которой она должна была храниться после защиты. Не выявляется труд и в университетских библиотеках других городов, в которых В. В. Штокмар пребывала во время войны (речь идёт не только о книгохранилище Саратовского университета, но и Иркутского, в котором историк вела преподавательскую деятельность в 1942–1945 гг.).

²¹ *Скворцов А. М.* Возрождение отечественного славяноведения и диссертационная культура советского историко-научного сообщества 1941–1945 гг. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2023. № 2. С. 154.

присуждении кандидатской степени, на диспуте В. В. Штокмар из девяти человек присутствовало всего 2 медиевиста (М. А. Гуковский, О. Л. Вайнштейн)²². Перед соискателем, таким образом, стояли две основные задачи: во-первых, обосновать для неспециалистов актуальность и научную новизну своего исследования и, во-вторых, продемонстрировать соответствие диссертации политико-идеологическим канонам советской исторической науки.

Наиболее репрезентативными в этом контексте представляются тезисы 1, 7 и 8 (из 9 всего). Первый и седьмой тезисы подчеркивают особый подход автора к анализу литературных памятников как исторических источников в целом и сочинений Дж. Свифта в частности: «1. Вопреки установившейся в исторической науке традиции произведения художественной литературы являются полноправным историческим источником. Материал, который они дают, в силу специфики художественности нуждается в особых методах исследования. Художественная обобщенность не снижает ценности показаний такого рода источника, но, напротив того, увеличивает ее. Художественное обобщение, дающее картину действительности в живых, конкретных образцах позволяет понять истинный смысл эпохи, т.к. оно дает типическое, неслучайное. <...> 7. В виду специфики материала нужны особые методы исследования: необходим учет именно тех моментов, которые сделали из сырого материала фактов художественное произведение. Уже анализ 2–3-х писем показывает, насколько важный фактический материал был в распоряжении Свифта»²³.

Восьмой тезис, в свою очередь, демонстрирует соответствие исследования марксистской методологической рамке, опора на которую позволяла раскрыть социально-политическую ситуацию в Англии XVIII в. с идеологически приемлемых для советской исторической науки позиций: «8. На примере “Путешествий Гуливера в Лиллипутию” видно, что аналогичный материал, будучи подвергнут художественной обработке, перестал быть только фактическим материалом и позволяет гораздо глубже проникнуть в смысл происходившего. В четвертой части “Путешествий” это приведёт к окончательному разоблачению и отрицанию мира деятельных и энергичных буржуа. Свокорыстие их, эгоизм, порочность системы, немислимые для разумных существ, выявляются именно благодаря художественной обобщенности. Pamфлет, направленный против диссентеров, позволяет

²² Выступление В. В. Штокмар также слушали специалист по древнерусской истории В. В. Мавродин (декан исторического факультета в 1940–1949 гг.), востоковед Г. В. Ефимов, историк марксизма М. В. Серебряков, специалист по истории международных отношений XIX в. И. Г. Гуткина, историк Гражданской войны в России Н. А. Корнатовский, исследователь русской литературы XVIII–XIX вв. Г. А. Гуковский и А. Зорина (?): ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 16.

²³ Там же. Л. 5–6 об.

понять классовую сущность этих диссентеров и борьбу буржуазии за своё политическое господство»²⁴.

Приведенные отрывки позволяют увидеть приверженность соискателя основным принципам исторического анализа, ассоциирующимся с ленинградской школой медиевистики. Как отмечает А. В. Свешников, для учеников И. М. Гревса было характерно не только особое внимание к источнику, но и т.н. «портретный метод», а также «исследовательская установка, ориентированная на выявление “внутренних противоречий” изучаемой культуры, общества, эпохи, личности»²⁵. Соответствующим образом через изучаемые художественные произведения В. В. Штокмар рассматривает и саму фигуру автора – Дж. Свифта, – в которой соискатель находит отражение общих социальных, культурных и политических тенденций Англии рубежа XVII–XVIII вв.²⁶ При этом особое внимание к социальным противоречиям анализируемого периода, акцентированным в восьмом тезисе диссертации, вполне соответствовало ориентации марксистской историографии на поиск в прошлом различных свидетельств «классовой борьбы». В этом смысле диссертационная работа В. В. Штокмар становится одним из свидетельств, с одной стороны, продолжения дореволюционных традиций источниковедения в советской исторической науке середины XX в., а с другой – их специфического переосмысления в рамках доминирующей в СССР теоретико-методологической оптики.

Стоит также отметить, что в период войны была распространена практика обоснования актуальности через апелляцию к ценности работы для антифашистской борьбы²⁷. В. В. Штокмар, как можно видеть, предпочла сделать акцент исключительно на «научном» характере своей работы. Думается, что подобный выбор имел в том числе символическое значение. Он был призван продемонстрировать перед ученым советом исторического факультета ЛГУ преемственность соискателя не только с сугубо источниковедческими, но и в целом классическими (т. е. ориентированными на объективное научное познание) традициями ленинградской медиевистики²⁸. Указывая таким образом на инкорпорированность в научную школу

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 6 об.

²⁵ Свешников А. В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. СПб, 2016. С. 192.

²⁶ Эта идея также отражена во втором тезисе диссертации: «2. Для изучаемой нами эпохи (1688–1720) как раз произведения художественной литературы позволяют особенно хорошо понять смысл событий. Больше всего это справедливо по отношению к произведениям одного из писателей этой эпохи – Свифта»: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 5.

²⁷ Скворцов А. М. Введения к диссертациям по античности 1940-х гг. и советская диссертационная культура // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. № 2. С. 106.

²⁸ Герш К. В. Образ историка и его ремесла (на примере творчества И. М. Гревса) // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 215–216.

И. М. Гревса, В. В. Штокмар представляла себя продолжателем дела великого русского медиевиста.

О том, насколько успешно ей удалось реализовать изложенные в тезисах положения, свидетельствуют отзывы официальных оппонентов. Оба документа демонстрируют особое понимание как сильных, так и менее удачных сторон рассматриваемого диссертационного сочинения. Это понимание было обусловлено как определенной историографической культурой рецензентов, так и характерными для периода 1941–1945 гг. представлениями ленинградских ученых-гуманитариев об особенностях создания такого рода работ.

Оппоненты прежде всего сходятся на признании концептуальной новизны исследования, большого объема проработанной литературы, а также научной обоснованности умозаключений соискателя. Наиболее последовательно об этих положительных аспектах диссертации высказался М. А. Гуковский: «Работа В. В. Штокмар посвящена весьма мало освещенному в советской (и русской вообще) исторической литературе периоду истории – началу XVIII в. в Англии, периоду, предшествующему промышленному перевороту. При этом работа освещает данный период не обычным образом, разбирая экономические, социальные политические или культурные характеристики его, а пытается поставить и разрешить вопрос, что дает для исторического анализа данного периода художественная литература этого времени, в частности, литературные произведения Дж. Свифта. Проблема поставлена свежо и смело, к разрешению ее привлечен большой, по некоторым разделам громадный, материал, общие выводы автора вполне приемлемы и доказаны четко и убедительно»²⁹. М. А. Гуковский также отметил, что соискателю в целом удалось раскрыть основной исследовательский вопрос диссертации: «На материале произведений Дж. Свифта автор показывает, что художественные произведения не только являются весьма ценным историческим источником, но и источником особого рода, требующим специфической обработки и

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 11–11 об. В этом пассаже также обращает на себя внимание акцент именно на отечественной историографии, а также характерное разделение на «русскую» и «советскую» историческую литературу. То же самое мы видим в отзыве М. П. Алексеева: «Представленная историческому факультету ЛГУ диссертация В. В. Штокмар на соискание ученой степени кандидата исторических наук представляет собою самостоятельную и очень интересно задуманную работу, *пополняющую не только мало освещенный в русской исторической литературе период в истории Англии (кон. XVII – перв. пол. XVIII в.), но и очень небогатую советскую литературу о Джонатане Свифте* [курсив мой – Д. Б.] <...>»: Там же. Л. 14. Данное обстоятельство объясняется руссоцентристским поворотом советского руководства, утвердившим в целях мобилизации советского общества континуитет между дореволюционным «русским» прошлым и «советским» настоящим. Одним из следствий этого «поворота» в период войны стало значительное усиление патриотической риторики в академическом дискурсе исторической науки: *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). М., 2017. С. 139–158.

интерпретации для того, чтобы показания его могли быть использованы надлежащим образом»³⁰.

Одной из основных точек дискуссии между оппонентами стала оценка первой главы диссертации, целиком посвященной изучению возможности использования литературных произведений в качестве исторических источников. Начав со слов о том, что эта глава «явно недоработана и незавершена», М. А. Гуковский затем обратил внимание на то, что соискатель, сосредоточившийся в этом разделе на разборе «всех примеров и доказательстве того, что творчество Свифта может быть использовано для исторического анализа», так и не продемонстрировал «что именно даёт это творчество для такого анализа, который предстает перед историком, использующим этот материал Англии начала XVIII в.»³¹. М. П. Алексеев, в свою очередь, наоборот, считал первую главу диссертации «наиболее законченной, цельной и продуманной», отмечая, что при «дальнейшем расширении и несколько более стройной группировке материала (в хронологической последовательности) эта глава может иметь самостоятельное значение как интересный очерк по методологии исторической науки и историографии»³².

Думается, что несовпадение взглядов оппонентов на первую главу связано с разными представлениями о роли источниковедческой практики в структуре исследовательской работы историка, а также самом статусе источниковедения в исторической науке в целом. Неудовлетворенность М. А. Гуковского объясняется традиционными представлениями об источниковедческих штудиях лишь как о подготовительном этапе конкретно-исторического анализа. В то же время положительная реакция М. П. Алексеева могла быть вызвана тем, что он видел в этих занятиях потенциал для становления источниковедения как отдельной (суб-) дисциплины исторической науки. Как известно, взгляды М. П. Алексеева были весьма актуальны в советском историографическом дискурсе 1940–1950-х гг.³³, и увеличение источниковедческих исследований в военный период (прежде всего в форме диссертационных сочинений), судя по всему, только способствовало интенсификации этого институционального процесса.

Второе наименее сильное место диссертационного исследования М. А. Гуковский видел в не совсем удачном построении текста. В своём отзыве он писал: «Построение работы, строго формально, по существу является рыхлым. Каждая глава как бы написана самостоятельно, и выводы её не используются в аргументации следующих глав. В результате

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 11 об.

³¹ Там же. Л. 12.

³² Там же. Л. 14.

³³ Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2004. С. 97–98

получается, что любую главу можно выпустить и конечные выводы от этого особенно не пострадают. Из этого не следует делать вывод, что главы неинтересны, наоборот они написаны со знанием дела и содержат ценные соображения, но они внутренне между собой не связаны, не составляют единого целого»³⁴.

Подчеркнём, что оппонент обращал внимание не только на научную составляющую диссертации, но и литературную. Он указывал на завершенность труда как текста, отмечая в качестве несомненного преимущества то, что «по своим литературным пассажам <...> работа <...> стоит на достаточно высоком уровне»³⁵. Акцент на стилистических особенностях научного текста представляется вполне закономерным для ленинградских медиевистов. По замечанию А. В. Свешникова, общим местом для учеников И. М. Гревса являлся именно синтез научного и художественного стиля³⁶.

М. П. Алексеев избрал иной подход к анализу сочинения В. В. Штокмар и вместо выделения общих недочетов диссертации критически рассмотрел каждый раздел работы. Так, о второй и третьей главах исследования, концентрирующихся, судя по всему, на реконструкции биографии Дж. Свифта и его интеллектуального окружения, оппонент отмечал, что «стремление автора [В. В. Штокмар. – *здесь и далее* – Д. Б.] противопоставить Свифта писателям его времени приводит его к несомненным искажениям исторической истины и очень искусственным построениям», а данные в этих разделах «цитаты и <...> общие портреты английских современников Свифта отличаются неполнотой и очевидными преувеличениями». Говоря о четвёртой главе, посвященной мировоззрению английского сатирика, М. П. Алексеев сетовал на то, что в ней «историко-литературный вопрос об источниках творчества Свифта поставлен не со всей остротой», как и «не до конца освещен вопрос об истоках его мировоззрения». При этом наименее сильной частью работы филологу показался представленный в пятой главе анализ произведений Дж. Свифта. Предметом возражения стали неочевидный подбор источников и игнорирование соискателем предложенных ей же методик анализа текстов: «Вызывает недоумение пункт классификации произведений Свифта, остается неясным, зачем для анализов избраны помимо двух наугад взятых из изданных <...> частных писем Свифта “Путешествие Гулливера”, занимающее центральное место в творчестве Свифта, и очень случайный памфлет “Рассуждение о механическом действии духа”. Вопреки требованиям, высказанным в конце первой главы, отношение автора к методике

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 14. Можно предположить, что В. В. Штокмар писала главы как самостоятельные очерки с большими временными перерывами.

³⁵ Там же. Л. 12–12 об.

³⁶ *Свешников А. В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. С. 194.

исторического анализа в <...> указанных источниках остается почти безразличным <...>»³⁷.

Обобщим замечания М. П. Алексеева. Ученый дал высокую оценку представленным в первой главе теоретико-методологическим изысканиям автора, указав на значимый вклад в осмысление проблемы использования художественных произведений как исторических источников. Он писал: «Хотя мысль эта не нова, но в данной работе автор представляет ее в новом, своеобразном аспекте, приводит ряд очень интересных примеров и анализов отдельных исторических трудов, обнаруживая при этом и хорошее знакомство с обширной литературой на различных европейских языках, и собственную методологическую зрелость»³⁸. В то же время представление соискателем интеллектуального контекста деятельности Дж. Свифта, а также применение разработанных В. В. Штокмар принципов источниковедческого анализа на материале сочинений английского писателя, отбор которых также вызывал некоторые вопросы, показались оппоненту не до конца убедительными. Последнее, однако, отчасти объяснялось им самой сложностью анализа художественных текстов как исторических источников и малой разработанностью данной темы³⁹.

Весьма любопытной в контексте общей оценки работы оппонентами видится ссылка на социально-бытовой контекст создания диссертации. М. П. Алексеев отмечал: «К сожалению, условия окончания работы в специальном книгохранилище не позволили автору осуществить первоначально задуманный план работ, и в последующих главах [после первой] имеются недочеты, устранить которые автор не был в состоянии <...> Оправданием автору может послужить, что именно эти последние две главы [четвертая и пятая] требовали таких материалов, которыми не мог воспользоваться – при самых настойчивых их поисках в книгохранилищах»⁴⁰. Схожий пассаж есть и у М. А. Гуковского: «Сравнивая же достоинства и недостатки работы в целом и *учитывая особые условия, в которых диссертация заканчивалась и недостаточную обеспеченность литературой в Саратове* [курсив мой. – Д. Б.], считаю возможным допустить работу В. В. Штокмар к защите и присудить на её основании её автору ученую степень кандидата исторических наук»⁴¹. Оппоненты, таким образом, признавали объективный характер неблагоприятных условий, в которых осуществлялось завершение работы над диссертацией, учитывали их при общей оценке исследовательской работы соискателя.

Приведенные выше слова М. А. Гуковского и М. П. Алексеева позволяют прийти к определенным выводам об истории подготовки В. В. Штокмар

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 14–14 об.

³⁸ Там же. Л. 14

³⁹ Там же. Л. 14, 14 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 13.

диссертационного сочинения. После начала войны она, наиболее вероятно, продолжила разработку избранной ещё в мирное время источниковедческой темы исследования, которая была посвящена историческому наследию Дж. Свифта. Однако условия научных штудий в эвакуации, в частности нехватка в библиотеках Саратова материалов по творчеству английского сатирика, обусловили для неё объективные ограничения в реализации своих замыслов. При этом В. В. Штокмар всё же удалось представить ко времени окончания аспирантуры и выхода на защиту достаточно качественную диссертацию – итогом подготовки диссертационного исследования стал текст, который был в целом высоко оценен ленинградскими медиевистами. Рецензировавшие сочинение оппоненты, справедливо указав на ряд недочетов, часть из которых связывалась ими с особенностями научной деятельности в условиях военного времени, уверенно высказались за присуждение соискателю кандидатской степени. Ученый совет исторического факультета ЛГУ всецело поддержал это решение: по результатам голосования, из девяти членов совета 8 высказались «за», и только один воздержался⁴².

Причины, мотивировавшие ученый совет одобрить кандидатскую работу В. В. Штокмар, отражены в заключительных словах отзыва М. П. Алексева. Ученый указал на то, что рецензируемое диссертационное исследование, с одной стороны, «отличается <...> несомненными достоинствами, широтой научных горизонтов, смелостью в постановке новых проблем», а с другой – «показывает в авторе широко образованного человека, вполне владеющего методами и материалами своей специальности»⁴³. Видные представители ленинградской гуманитаристики, таким образом, признавали как профессиональную компетентность соискателя, так и её выдающуюся способность расширять концептуальные рубежи гуманитарного знания оригинальными подходами к работе с историческими источниками. В этом смысле В. В. Штокмар предстала не только вполне заслуживающей степени кандидата исторических наук, но и достойным продолжателем источниковедческих традиций кафедры истории Средних веков ЛГУ, развивающим и творчески переосмысляющим идеи своих научных предшественников.

РЕЗЮМЕ

В. В. Штокмар – единственная представительница ленинградской школы медиевистики, прошедшая в годы Великой Отечественной войны процедуру защиты кандидатской диссертации (г. Саратов, 22 сентября 1942 г.). В статье выявляется специфика образовательного пути В. В. Штокмар, реконструируются особенности создания ею диссертационного

⁴² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682. Л. 15.

⁴³ Там же. Л. 14 об.

исследования «Произведения Джонатана Свифта как исторический источник» и анализируется рецепция этой работы официальными оппонентами, историком-медиевистом М. А. Гуковским и филологом-компаративистом М. П. Алексеевым. Раскрывается влияние на них традиций кафедры истории Средних веков ЛГУ, а также социально-бытовых и институциональных контекстов советской исторической науки конца 1930-х – первой половины 1940-х гг. Основными источниками исследования выступают архивные материалы диссертационного диспута В. В. Штокмар (ЦГА СПб), среди которых особое внимание уделено тезисам диссертации и отзывам оппонентов. Автор статьи приходит к выводу, что В. В. Штокмар, разрабатывавшая свойственную научной школе И. М. Гревса проблематику, значительную часть работы над диссертацией вела в условиях, которые ограничивали полноценную исследовательскую работу. Успех защиты стал результатом признания оппонентами (и ученым советом исторического факультета ЛГУ в целом) профессиональной компетентности соискателя как историка-медиевиста, а также её «методологической зрелости», связанной со стремлением к разработке и применению в историографической практике оригинальных подходов к анализу исторических источников. В контексте последней статья также демонстрирует, что диссертация В. В. Штокмар являлась частью актуальной для 1940–1950-х гг. научной тенденции, направленной на институционализацию источниковедения как самостоятельного направления исторических исследований.

SUMMARY

Valentina V. Stockmar was the only representative of Leningrad school of medieval studies who defended her candidate dissertation during the Great Patriotic War (Saratov, 22 September 1942). The article reveals the specifics of Stockmar's educational path, reconstructs the peculiarities of her PhD thesis 'The Works of Jonathan Swift as a Historical Source' and analyses the reception of this work by official opponents, medievalist Matvey A. Gukovsky and comparative philologist Mikhail P. Alekseev. The main sources of the study are archival materials from Stockmar's dissertation dispute (Central State Archive of St. Petersburg), with particular attention paid to the thesis' abstracts and the reviews of the opponents. The author of the article concludes that Stockmar was working in the conditions that limited full-fledged scholarly creativity. The success of the defense was the result of the opponents (and the Academic Council of Leningrad State University as a whole) recognising the candidate's professional competence, as well as her "methodological maturity" associated with her desire to develop and apply original approaches to the analysis of historical sources. The article also demonstrates that Stockmar's dissertation was part of a scientific trend that was relevant in the 1940s and 1950s, aimed at institutionalising source studies as an independent field of historical research.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Диссертационная культура, советская историческая наука, Великая Отечественная война, ленинградская школа медиевистики, И. М. Гревс, В. В. Штокмар, М. А. Гуковский, М. П. Алексеев.

KEYWORDS

Dissertation culture, Soviet historiography, the Great Patriotic War, Leningrad school of medieval studies, Ivan M. Grevs, Valentina V. Stockmar, Matvey A. Gukovsky, Mikhail P. Alekseev.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алеврас Н. Н. Диссертант и оппоненты: модели защит диссертаций и опыт оппонирования (1930–1940-е годы) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2024. № 1 (64). С. 124–135 [*Alevras N. N.* Dissertant i opponenty: modeli zashchit dissertacij i opyt opponirovaniya (1930–1940-e gody) [The dissertation and opponents: models of dissertation defenses and the experience of opposition (1930s–1940s)] // Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriya. 2024. № 1 (64). S. 124–135].

Бородкин Л. И., Бурдей Г. Д. Защита диссертаций по гражданской истории в 1941–1945 гг. (Источники, проблематика, динамика) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1993. Т. 24. С. 106–126 [*Borodkin L. I., Burdej G. D.* Zashchita dissertacij po grazhdanskoj istorii v 1941–1945 gg. (Istochniki, problematika, dinamika) [Defense of dissertations on civil history in 1941–1945. (Sources, issues, dynamics)] // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. 1993. T. 24. S. 106–126].

Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). М., 2017 [*Brandenberger D.* Stalinskij russocentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956). [Stalin's Russocentrism: Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956)] Moscow, 2017].

Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб.: Издательство СПбГУ, 2004 [*Vahromeeva O. B.* Chelovek s otkryтым serdцем. Avtobiograficheskoe i epistolyarnoe nasledie Ivana Mihajlovicha Grevsa (1860–1941). [A man with an open heart. The autobiographical and epistolary legacy of Ivan Mikhailovich Graves (1860–1941)] Saint-Petersburg, 2004].

Герш К. В. Образ историка и его ремесла (на примере творчества историка-медиевиста И. М. Гревса) // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 206–231 [*Gersh K. V.* Obraz istorika i ego remesla (na primere tvorchestva istorika-medievista I. M. Grevsa) [The image of a historian and his craft (using the example of the work of the Medieval historian I. M. Greves)] // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 44. S. 206–231].

Гревс И. М. Как ставить работу аспирантов-историков в наших университетах? // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 726.

Оп. 1. Д. 286. Л. 129 [Grevs I. M. Kak stavit' rabotu aspirantov-istorikov v nashix universitetax? [How should graduate students of history be employed at our universities?] // Sankt-Peterburgskij filial Arxiva Rossijskoj Akademii nauk. F. 726. Op. 1. D. 286. L. 129]

Гришина Н. В. «Работа... не является марксистской...», или формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н. М. Дружинина) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 48–54 [Grishina N. V. «Rabota... ne yavlyaetsya marksistskoj...», ili formirovanie kanona ekspertizy nauchnyh issledovanij v 1920-e gg. (na primere dissertacii N. M. Druzhinina) ["The work ... is not Marxist...", or the formation of the canon of scientific research expertise in the 1920s. (on the example of N. M. Druzhinina's dissertation)] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2014. № 3 (3). S. 48–54].

Гутнова Е. В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001 [Gutnova E. V. Perezhitoe. [The experience.] Moscow, 2001].

Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2004 [Danilevskij I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyanceva M. F. Istochnikovedenie. Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii. [Source studies. Theory. History. Method. Sources of Russian History] Moscow, 2004.].

Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций, XIX – начало XX в. / под ред. Н. Н. Алеврас. М.; СПб.: Нестор-История, 2022 [Dissertacionnaya kul'tura rossijskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva: opyt i praktiki podgotovki i zashchit dissertacij, XIX – nachalo XX v. [Dissertation culture of the Russian historical and scientific community: experience and practice of preparation and defense of dissertations, XIX – early XX century] / pod red. N. N. Alevrass. Moscow; Saint-Petersburg, 2022].

Лебедева Г. Е., Березкин А. В., Черепенина Н. Ю. Труды и дни профессора В. В. Штокмар // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. А. Ю. Прокопьева. Вып. 12. СПб., 2015. С. 21–37 [Lebedeva G. E., Berezkin A. V., Cherepenina N. Yu. Trudy i dni professora V. V. Shtokmar [The works and days of Professor V. V. Shtokmar] // Problemy social'noj istorii i kul'tury Srednih vekov i rannego Novogo vremeni / pod red. A. Yu. Prokop'eva. Vyp. 12. Saint-Petersburg, 2015. S. 21–37].

Памяти В. В. Штокмар (1914–1984) // Средние века. 1986. Вып. 49. С. 330–331 [Pamyati V. V. Shtokmar (1914–1984) [In memory of V. V. Shtokmar (1914–1984)] // Srednie veka. 1986. Vyp. 49. S. 330–331].

Сवेशников А. В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 [Sveshnikov A. V. Ivan Mihajlovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva. [Ivan Mikhailovich Greaves and the St. Petersburg school of Medievalists of the early 20th century. The fate of the scientific community] Saint-Petersburg, 2016].

Скворцов А. М. «Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые... выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита Н. С. Лебедевым диссертации о В. Г. Васильевском в 1943 г. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26. № 2. С. 213–228 [Skvorcov A. M. «My dolzhny izuchat' i pochitat' tekh uchenyh, kotorye... vydvynuli russkuyu nauku na pervye

ryady»: zashchita N. S. Lebedevym dissertacii o V. G. Vasil'evskom v 1943 g. ["We must study and honor those scientists who ... put Russian science in the forefront": N. S. Lebedev defended his dissertation on V. G. Vasilyevsky in 1943] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2024. T. 26. № 2. S. 213–228].

Скворцов А. М. Алексей Сергеевич Бартечев: становление учёного-медиевиста в контексте формирования советской диссертационной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. № 1. С. 17–23 [Skvorcov A. M. Aleksey Sergeevich Bartenev: stanovlenie uchyonogo-medievista v kontekste formirovaniya sovetsoj dissertacionnoj kul'tury [Alexey Sergeevich Bartenev: the formation of a Medieval scholar in the context of the formation of Soviet dissertation culture] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 23. № 1. S. 17–23].

Скворцов А. М. Введения к диссертациям по античности 1940-х гг. и советская диссертационная культура // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. № 2. С. 104–111 [Skvorcov A. M. Vvedeniya k dissertაციyam po antichnosti 1940-h gg. i sovet'skaya dissertacionnaya kul'tura [Introductions to dissertations on Antiquity of the 1940s and Soviet Dissertation culture] // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 2. S. 104–111].

Скворцов А. М. Возрождение отечественного славяноведения и диссертационная культура советского историко-научного сообщества 1941–1945 гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 152–161 [Skvorcov A. M. Vozrozhdenie otechestvennogo slavyanovedeniya i dissertacionnaya kul'tura sovet'skogo istoriko-nauchnogo soobshchestva 1941–1945 gg. [The revival of Russian Slavic studies and the dissertation culture of the Soviet historical and scientific community 1941–1945] // Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii. 2023. № 2. S. 152–161].

Скворцов А. М. О подготовке ученых-медиевистов в Ленинградском университете в 30-е гг. XX в. // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2023. № 7 (1). С. 84–100 [Skvorcov A. M. O podgotovke uchenyh-medievistov v Leningradskom universitete v 30-e gg. XX v. [On the training of medieval scholars at Leningrad University in the 30s of the XX century] // Proslogion: Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego Novogo vremeni. 2023. № 7 (1). S. 84–100].

Скворцов А. М. Экспертиза диссертаций и вопросы формирования советской диссертационной культуры (1930 – начало 1950-х гг.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10. Вып. 1. С. 47–62 [Skvorcov A. M. Ekspertiza dissertacij i voprosy formirovaniya sovetsoj dissertacionnoj kul'tury (1930 – nachalo 1950-h gg.) [Examination of dissertations and the formation of Soviet dissertation culture (1930s – early 1950s)] // Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii. 2025. T. 10. Vyp. 1. S. 47–62].

ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12–2. Д. 1682 [CzGA SPb. F. 7240. Op. 12–2. D. 1682].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга